

DOI: 10.22363/2224-7580-2023-3-89-104

EDN: KFFNKM

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ А.Ф. ЛОСЕВА (ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ): «УХОДЯ В БЕЗДНУ ИСТОРИИ...»

В.И. Постовалова

Институт языкознания РАН

Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1

Аннотация. В статье, посвященной 130-летию со дня рождения выдающегося ученого, философа и богослова А.Ф. Лосева, рассматриваются основные этапы и направления его творческого пути в контексте становления отечественной истории XX века. Обсуждается вопрос об эпистемологическом статусе его работ в историко-культурном пространстве современного познания. Анализируется стилистика мышления Лосева и поднимается вопрос о перспективах изучения его творческого наследия.

Ключевые слова: познание, культура, цельное знание, абсолютная мифология, мирозерцание личности, творчество, стиль мышления, православно понимаемый неоплатонизм, интуиция всеединства, духовное завещание

Я видел надпись на скале:

Чем дальше путь, тем жребий строже.

Юргис Балтрушайтис (1904)

1. Жизненные истоки творческой мысли А.Ф. Лосева

В этом году исполняется 130 лет со дня рождения Алексея Федоровича Лосева. В наше время Лосев широко известен как историк античной философии и эстетики, филолог-классик и ученый-энциклопедист. Между тем по мере появления новых архивных публикаций его работ все более отчетливо вырисовывается сокровенный лик Лосева – религиозного философа, тонкого знатока патристического богословия, создателя оригинальной концепции имяславия (ономатодоксии), глубокого православного мыслителя, философскую систему которого протоиерей В. Асмус называет одной из «выдающихся попыток построения христианской философии» и, быть может, «самой значительной в России XX века» [3. С. 95]. «Неизвестный» Лосев предстает со страниц своих работ как проникновенный философ культуры, философ музыки, числа и мифа, философ языка и художественной формы. А.Ф. Лосев выступает как мыслитель, громадное наследие которого, по слову В.П. Троицкого, «не принадлежит только архиву, только свершившемуся, но оно еще

и необычайно современно и своевременно, чревато новым, вооружает для встречи с будущим» [32. С. 3].

А.Ф. Лосев родился 23 сентября 1893 года в городе Новочеркасске, столице Области Войска Донского. Его отец Федор Петрович, учитель физики и математики гимназии, скрипач-виртуоз, дирижер и церковный регент, рано оставил семью, когда Лосеву было всего три месяца, и Алексея Федоровича воспитывала его мать Наталья Алексеевна, дочь священника, в беззаветной любви и строгом благочестии. От отца к А.Ф. Лосеву, по его словам, перешли его «вечное искательство и наслаждение свободой мыслью и бытовой несвязанностью ни с чем», от матери – «строгие и моральные установки» [22. С. 523]. Эти две стихии, «переплетаясь и смешиваясь самым причудливым образом», остались в Лосеве на всю жизнь и послужили основой его неповторимого творческого стиля, о котором С.С. Аверинцев, его ученик, говорил: «русская безудержность – и греческий порядок мысли», «„лед и пламень“ – но одно требовало другого» [1. С. 4].

После трех лет занятий в приходском училище Лосев в 1903 году поступает в новочеркасскую классическую гимназию, которую закончил в 1911 году с золотой медалью. Одновременно с этим он заканчивает также частную музыкальную школу по классу скрипки педагога-итальянца Ф.А. Стаджи, лауреата музыкальной академии им. Керубини во Флоренции, исполнив на выпускном экзамене сложнейшую «Чакону» Баха.

В гимназии наибольшее влияние на Лосева оказал учитель древних языков И.А. Микш, который, по признанию самого Лосева, развил в нем «интерес и филологический, и философский» [27. С. 30]. Ко времени окончания гимназии он подарил своему воспитаннику шесть томов Платона (в переводе Карпова). А еще ранее директор гимназии В.К. Фролов наградил Лосева при переходе его в последний класс гимназии восьмитомным собранием сочинений В.С. Соловьева. В итоге ко времени окончания гимназии Лосев был уже, по его собственным словам, «готовый философ и филолог-классик».

В августе 1911 года, после окончания гимназии, А.Ф. Лосев пишет сочинение «Высший синтез как счастье и ведение», где формулирует основную установку всей своей жизни и творчества – стремление к цельному познанию, примирению в научном мировоззрении главнейших областей духовной жизни человека – религии, философии, науки, искусства и нравственности. В этих размышлениях Лосева явственно слышатся отзвуки программы цельного знания В.С. Соловьева, ставшей для Лосева путеводным ориентиром его творческого пути.

В сентябре 1911 года А.Ф. Лосев поступает в Московский Императорский Университет, который заканчивает в 1915 году по двум отделениям историко-филологического факультета – философскому и классической филологии. Как и в гимназические годы, Лосев совмещает свой интерес к философии и науке с любовью к театру и классической музыке. А.Ф. Лосев принимает участие в работе Психологического института при Московском Университете, где проводит исследования по экспериментальному изучению эстетической образности под руководством выдающегося психолога

и философа Г.И. Челпанова и посещает заседания Психологического общества при Московском Университете и Вольной Академии Духовной Культуры (ВАДКа), основанной Н.А. Бердяевым.

Начиная с 1911 года Лосев постоянно участвует в жизни Религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьева. Здесь он знакомится с такими выдающимися деятелями русской культуры, как Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, И.А. Ильин, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Ю.И. Айхенвальд. Спустя десятилетия он так рассказывал об одном из заседаний этого общества, где с докладом «О границах искусства» выступал Вяч. Иванов: «Я и сейчас вижу, как в середине сидит председатель Г.А. Рачинский, рядом с ним докладчик Вячеслав Иванович Иванов. Полевой – такая грузная мощная фигура Евгения Николаевича Трубецкого. А направо – Сергей Дурылин сидел и Владимир Эрн. Иванов читал блестяще. У него такой необычный язык, самостоятельный совершенно, язык такой мистический, но очень понятный и очень такой интимный <...> И я сразу почувствовал, что все они действительно тут живут теми же идеями, которыми я пробавлялся в своем Новочеркасске на Михайловской улице» [16. С. 464].

В июле 1914 года Лосев едет в Берлин для изучения Вюрцбургской психологической школы и ее связи со средневековой латинской схоластикой, но вынужден был вернуться в Россию из-за внезапно начавшейся мировой войны. После окончания Университета А.Ф. Лосев был оставлен при кафедре классической филологии для подготовки к профессорскому званию. Однако преподавать в Университете ему не пришлось. В послереволюционные годы университетская научная жизнь в Москве замирает, а в 1921 году историко-филологический факультет Московского университета закрывается.

В 1922 году А.Ф. Лосев вступает в брак с Валентиной Михайловной Соколовой. Их венчает в Сергиевом Посаде пятого июня в День Вознесения Господня священник Павел Флоренский. Валентина Михайловна – математик и астроном (ее специальностью была небесная механика), человек высокой образованности и высокой духовной жизни – станет для Алексея Федоровича неизменной помощницей в издании и создании его произведений.

В 1916 году появились первые три печатные работы Алексея Федоровича по философии («Эрос у Платона») и музыке («Два мироощущения» и «О музыкальном ощущении любви и природы»). В 1919 году в Швейцарии в сборнике «Russland» публикуется на немецком языке его статья «Русская философия». Как пишет об этой работе Лосева в наши дни В.П. Троицкий: «Молодой человек 25 лет и духом крылатый *обозревает* время и место, каковых он удостоился для жизни и творчества, и *прозревает*, чем и как сам одарит Россию и мир. „Новому откровению“, „новой кристаллизации этого откровения“ суждено будет сбыться примерно через десять лет...» [33. С. 196].

К началу тридцатых годов выходит из печати под маркой «Издание автора» первое «восьмикнижие» А.Ф. Лосева (1927–1930), включающее восемь фундаментальных монографий: «Античный космос и современная наука», «Музыка как предмет логики», «Диалектика художественной формы», «Диалектика числа у Плотина», «Критика платонизма у Аристотеля»,

«Очерки античного символизма и мифологии», «Диалектика мифа», а также «Философия имени», замысел которой был связан непосредственно с Афонским спором начала XX века об Имени Божиим. Спор этот происходил между сторонниками реалистического понимания Имени и молитвы – «имяславцами», веровавшими, что в Имени Божиим, молитвенно призываемом, присутствует Сам Бог Своими энергиями, и так называемыми «имяборцами», стоявшими на позиции номиналистически-субъективного толкования имени и молитвы.

А.Ф. Лосев, как и многие русские религиозные мыслители этого времени – П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн и др., вставшие на защиту имяславия, рассматривал это мистическое учение как диалектически необходимую часть православного вероучения и основание реалистической философии языка. В многочисленных докладах и выступлениях 1920-х годов и в отдельных исследованиях этого времени: «Античный космос и современная наука», «Философия имени», «Вещь и имя» – Лосев пытается формулировать основы имяславской доктрины и осуществить ее философско-богословское обоснование. Он обсуждает проблемы имяславия не только с философами, богословами и церковными деятелями, но также и с самими непосредственными участниками Афонского движения – афонским монахом Иринеей и афонским старцем архимандритом Давидом (Мухрановым), настоятелем русского Свято-Андреевского скита на Афоне.

Третьего июня 1929 года архимандрит Давид, ставший духовником четы Лосевых, совершит их тайный монашеский постриг и благословит на подвиг монашества в миру. Как пишет об этом А.А. Тахо-Годи: «Оба они, Алексей Федорович и Валентина Михайловна, вместе дали монашеские обеты, приняв имена Андроника и Афанасии, при совершении тайного пострига архимандритом о. Давидом. <...> Что же касается монастыря, то явные монастыри были закрыты и разогнаны, а потаенный монастырь – жизнь Алексея Федоровича и Валентины Михайловны в миру» [29. С. 123]. Лаконичные строки из дневника Валентины Михайловны так передают картину этой жизни: «Тихо, светло, горит лампада, чуть пахнет ладаном, стоят иконы <...> На окне... чисто, бело, тянется к потолку дикий виноград зеленью свежую по белой раме окна... глубоко, хорошо как вместе. Благостно и тишина, образ будущего века. И, кажется, что все это на том уже свете» [29. С. 121].

Жизненный путь Лосева – «ученое монашество в миру», соединение монашеской келии и ученого кабинета, духовной «пустыни» и мира (культуры). Путь, где даже само философское творчество метафорически воспринимается через призму пустыни как «диалектический монастырь» [20. С. 385]. В отличие от позиции строгого монашества Лосев рассматривает монастырь и культуру не как альтернативы, а как моменты единой цельной жизни в Боге, призванной соединять в себе глубины духовной жизни монастыря с приобщенностью к высшим формам мировой культуры. В этой своей жизненной установке А.Ф. Лосев был созвучен позиции отечественной религиозной философии культуры, согласно которой «христианин призван не бежать от мира и человека <...> но вносить свет Христова учения в земную жизнь и творчески

раскрывать дары Святого Духа в ее ткани», то есть «создавать *христианскую культуру* на земле» [12. С. 291].

Тысяча девятьсот тридцатый год становится переломным моментом в жизненной и творческой судьбе Лосева. В 1930 году ОГПУ было сфабриковано дело «Всесоюзного центра церковно-монархической организации “Истинное православие”», где особая роль отводилась «контрреволюционной организации» имяславцев, в состав которой, помимо М.А. Новоселова, Д.Ф. Егорова и др., был включен также Лосев вместе с В.М. Лосевой. Восемнадцатого апреля 1930 года, в Страстную пятницу, А.Ф. Лосев был арестован. Через всю жизнь Алексей Федорович пронес память о последнем благословении и наставлениях своего духовного отца, афонского старца архимандрита Давида (Мухранова), о чем так говорил в одном из своих писем: «В день моего ареста <...> самый великий подвижник в России сказал мне, благословляя: „Всякое страдание принимай как дар любезного Отца. Кто страдает по вине, тот озлобляется. А кто страдает безвинно, тот радуется! Иди с миром! Да! Не всегда я это выполнял за четыре года изгнания, но – всегда помнил!“» [22. С. 155].

После четырех с половиной месяцев пребывания в одиночке и семнадцати месяцев во внутренней тюрьме на Лубянке Лосев получает приговор – десять лет лагерей для него и пять лет лагерей Валентине Михайловне; направление в Кемь и далее – в Свирьстрой на Беломорско-Балтийском канале (поселок Важины, Медвежья гора). В застенках ОГПУ погибает конфискованный у Лосева перевод с греческого сложнейшего «Ареопагитского корпуса», куда входил и трактат «О Божественных именах». Второй вариант этого перевода погиб при бомбежке 1941 года, когда фугасной бомбой был уничтожен дом Лосевых на Воздвиженке. В застенках ОГПУ была утрачена часть рукописи «Вещь и имя», а также находившаяся в то время в печати книга «Николай Кузанский и средневековая диалектика».

В тюрьме и лагере А.Ф. Лосев много занимался математикой, прошел курс дифференциального и интегрального исчисления, продумывал книгу по диалектике аналитических функций. Здесь же в лагере, став на время вольнонаемным в ожидании освобождения Валентины Михайловны, Алексей Федорович начал писать художественную прозу. Седьмого сентября 1932 года постановлением коллегии ОГПУ Лосев был освобожден из заключения. А четвертого августа 1933 года постановлением ЦИК СССР с него была снята судимость, и он был восстановлен в своих гражданских правах.

После возвращения из заключения в Москву перед А.Ф. Лосевым оказались закрытыми все двери издательств, научных и учебных заведений. Из секретариата Центрального комитета ВКП(б) в ответ на запрос о трудоустройстве ему была прислана записка, где опальному философу позволялось заниматься «античной эстетикой и мифологией, не вступая в пределы философии» [29. С. 197]. В последующие годы Лосев занимается переводами трудов Николая Кузанского и Секста Эмпирика, готовит двухтомную антологию по античной мифологии. В 1942 года Лосев получает неожиданное приглашение на штатную должность профессора философского факультета МГУ, где его

представляют к заведованию кафедрой логики. Шестнадцатого октября 1943 года он был утвержден в степени доктора филологических наук *honoris causa* (без защиты диссертации). На философском факультете Лосев проводит семинары по логике Канта, Гегеля и неокантианцев, занимается логическими основами числа и методологическими проблемами логики. Через несколько лет, пятнадцатого мая 1949 года, после обвинения в идеализме А.Ф. Лосев был удален из Университета и переведен в Московский государственный педагогический институт имени Ленина (МГПИ) на кафедру классической филологии. После ее закрытия он работал на кафедре русского языка, а с начала 1960-х годов и до конца своей жизни – на кафедре общего языкознания этого института.

С начала сороковых годов А.Ф. Лосев начинает терять зрение и в последующие годы работает с секретарями, продумывая тексты своих работ в уме, как привык это делать в лагерные годы. Двадцать девятого января 1954 года умирает Валентина Михайловна, «сопутница и печальница философа Лосева – вечная его молитвенница», завещая взять заботу об Алексее Федоровиче Азе Алибековне Тахо-Годи, которая в 1944 году аспиранткой кафедры классической филологии МГПИ приходит в дом Лосевых для занятий греческими авторами [29. С. 292].

Тысяча девятьсот пятьдесят третий год прерывает двадцатитрехлетнее философское молчание Лосева. И начинается эпоха публикаций многочисленных трудов А.Ф. Лосева по основным темам его творчества: эстетике, мифологии, античной литературе, философии, семиотике, математике, музыке, философии языка и др. Особое место среди этих работ занимает фундаментальное второе «восьмикнижие» – восьмитомная «История античной эстетики» (1963–1994), за которую Лосеву (в связи с изданием I–VI томов) в 1985 году присуждается звание лауреата Госпремии СССР по философии. А также – миниатюрная (по масштабам лосевских трудов) книга по русской философии «Вл. Соловьев» (1983), которая стала для А.Ф. Лосева символическим воплощением единства его творческого пути.

В этой книге, написанной с чрезвычайным воодушевлением и любовью, Лосев, «на пороге жизненного предела», по выражению А.А. Тахо-Годи [31. С. 40], возвращаясь к философии Соловьева, в лаконичной форме провозглашает как завет будущим исследователям две свои принципиальные установки при историко-философских реконструкциях мирозерцания личности.

Первая из них – научно-философская установка на *объективность*. Согласно данной установке, «исследователь не имеет права отвергать великих людей прошлого за их несовременные для нас убеждения и настроения или за одну их общественно-политическую деятельность» [18. С. 224]. Так, замечает Лосев: «Если отвергать Вл. Соловьева за то, что он был верующий христианин, то тогда придется отвергать и Ньютона за то, что он снимал шляпу, произнося имя Божье, и Дарвина за то, что он был церковный староста, и Менделеева за то, что он был тайный советник, и рефлексологию Павлова за то, что Павлов ходил в церковь и жертвовал на ее нужды» [18. С. 224].

Вторая из этих установок – духовно-литургическая установка на *благодарение*. Завершая эту свою книгу о Соловьеве, Лосев писал: «Добрый словом хочется помянуть имя уважаемого Владимира Сергеевича Соловьева. Важный и ценный он был человек, редкий был человек. Это был светлый и свободный интеллект, которому к тому же было присуще вольное чувство жизни <...> Вл. Соловьев любил Россию без всякой славянофильской лакировки <...> Вл. Соловьев критиковал и Восток и Запад <...> Но сама Россия в течение всей его жизни оставалась его единственной и страстной любовью. Спасибо ему» [18. С. 224–225].

Как утверждал Максимилиан Волошин, осмысливая смерть Л.Н. Толстого, если «ничто в жизни не случайно, то менее всего случайна смерть», которая задает «фигуре человека тот последний, окончательный удар резца, который завершает лик и придает ему трагическое единство» [7. С. 528–529]. Алексей Федорович Лосев скончался 24 мая 1988 года на 95-м году жизни в канун празднования тысячелетия крещения Руси, в день памяти своих любимых святых, равноапостольных Кирилла и Мефодия, с именем которых была связана вся жизнь Алексея Федоровича с раннего отрочества. Кириллу и Мефодию была посвящена домовая церковь в здании новочеркасской гимназии, где учился гимназист Лосев и пел в хоре. Там ежегодно 24 мая отмечался день памяти этих высоких подвижников духа. К солунским братьям было обращено и последнее слово Лосева – «Слово о Кирилле и Мефодии», зачитанное А.А. Тахо-Годи уже после кончины Алексея Федоровича в Институте мировой литературы им. А. М. Горького на международной научной конференции «Тысячелетие крещения Руси и проблемы развития культуры» третьего июня 1988 г.

Славянские просветители Кирилл и Мефодий, связавшие, по выражению С.С. Аверинцева, славянское слово с константинопольским «любомудрием» [1. С. 4], олицетворяли собой в представлении Лосева единство философии и филологии. Служению в этих сферах отечественной и мировой духовной культуры в незримом свете идеалов православного мирозерцания была посвящена вся подвижническая жизнь Алексея Федоровича Лосева – Философа, Богослова, Ученого.

2. Творчество и личность.

Штрихи к духовному портрету А.Ф. Лосева

Окончилась жизнь Алексея Федоровича и началось его «житие» – в наших воспоминаниях и размышлениях о нем. И каждое такое воспоминание, каждая попытка проникнуть во внутренний мир идей, запечатленных в его книгах, есть добавление нового штриха к духовному портрету Лосева. Некоторые черты его личности, просвечивающие через этот портрет и оживающие в нем, окажутся более рельефными и осязаемыми. Другие же останутся как бы сокрытыми, непроявленными, а только угадываемыми. Здесь действует парадокс символа Лосева, связанный с апофатическим характером проявления сущности в символе: «Чем менее проявлено неявляемое, тем более

понятно и просто то, что явилось; чем более проявлено неявляемое, тем сильнее оно постигается и переживается, но тем загадочней и таинственней то, что явилось» [19. С. 695]. Согласно этому парадоксу, как бы ни выражалась и ни запечатлевалась личность в своих многообразных ликах, как бы ни был широк спектр ее излучения, в ней всегда остается некий апофатический момент, «неразгаданный икс». Неисчерпаемый и невыразимый первоисточник всех жизненных проявлений.

Главный вопрос, который волновал Алексея Федоровича с юношеских лет, был вопрос о смысле и оправдании жизни, о высшей цели человеческого существования. Лосев решал этот вопрос для себя в плане идеалов христианского миропонимания как путь к благу, к идеалам добра, самосовершенствования и устремленности к «горнему царству» через высший синтез любви. Вдохновляемый такими идеалами, А.Ф. Лосев избирает для себя жизненный путь постижения истины и служения Богу в разуме. «Мы хотели восславить Бога в разуме, в живом уме», – утверждал Алексей Федорович в одном из своих лагерных писем В.М. Лосевой [23. С. 35].

Ум, о котором идет речь у Лосева, это ум одухотворенный. Такой ум в понимании Лосева есть не отдельная способность души, а «духовное средоточие», превосходящее самую душу, «средоточие свободы», «сердечных таинств ясный свет» [17. С. 30]. В 1981 году в своей краткой заметке «Сокровище мыслящих» Лосев возвращается к характеристике этого ума. «Уходя в бездну истории и подводя итог, – пишет он, – могу сказать, что самое интересное я видел в жизни. Самое ценное для меня – живой ум, живая мысль, такое мышление, от которого... ум ответно становится и мудрым и простым одновременно» [22. С. 571].

Лосев, по словам А.А. Тахо-Годи, называл себя «Апологетом Ума», соединяя этот ум с интуициями православной философии» [30. С. 534]. Как писал Лосев об этой своей особенности в одном из лагерных писем Валентине Михайловне: «Обо мне также тебе все известно. В религии я всегда был *апологетом ума*, и в мистически-духовном и в научно-рациональном смысле; в богословии – максимальный интерес я имел всегда почти исключительно к догматике, как к той области, которая для богословствующего христианина есть и нечто максимально разработанное в Церкви и максимально достоверное <...> в философии я – логик и диалектик, “философ числа”, из наук любимейшая – опять-таки математика; и, наконец, филологией-то я занимался почти исключительно классической, в области которой в науке достигнута наибольшая разработанность и четкость» [23. С. 53–54].

А.Ф. Лосев определял суть своей философской позиции как *православно-понимаемый неоплатонизм*. Разделяя программу цельного знания В.С. Соловьева с ее установкой на построение универсальной системы знания, выявляющей основные принципы единства бытия, Лосев стремился разработать такую философскую систему на основе диалектико-мифологического осмысления православного мирозерцания. Этот замысел нашел свое воплощение в его незавершенном учении об абсолютной мифологии, ядром которого выступает у него имяславие (ономатодоксия) –

мистико-аскетическое учение об Имени Божиим. В облике универсального учения об абсолютной мифологии отчетливо выступают черты православно-христианского мирозерцания в его наиболее строгой форме византийско-московского православия. Абсолютная диалектика, или, что то же, абсолютная мифология, по Лосеву, в «своей окончательной формулировке есть Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Св<ятой>, Троица единосущная и нераздельная, неисповедимо открывающая Себя в своем Имени» [20. С. 461]. В этом своем универсальном учении Лосев предпринимает попытку произвести экспликацию христианско-православного миропонимания и базирующегося на нем миропредставления (картины мира) и самой реальности, опираясь на принципы *логического мифотворчества* неоплатонизма.

По типу своего философствования неоплатонизм есть символическая мифология, суть которой составляет единство *мифологии* (опытного содержания) и *диалектики* (логической формы), или, другими словами, соединение непосредственной мистики и строжайше выводимой системы категорий. А ее методологическую основу образует логическое мифотворчество, или диалектико-мифологическое конструирование реальности.

В основе философского подхода Лосева лежит *интуиция всеединства*, то есть изначального мистического восприятия действительности как единого целого. Производным от этой интуиции является и *диалектический метод* А.Ф. Лосева. Быть диалектиком для Лосева означало видеть полноту жизни как нечто целое и – как следствие этого – ощущать глубинный изоморфизм разных сторон реальности. А это значит, полагает Лосев, что тот, кто понимает логику Гегеля со всеми сложнейшими переплетениями ее категорий, не может не любить и виртуозную музыку, в частности колоратурное сопрано, построенное на мелких дробных проявлениях, из фейерверка отдельных тонов которого рисуется грандиозная картина. И соответственно, кто «понимает виртуозный монументализм игры Рахманинова или Листа, тот должен разбираться и в изощренной диалектике неоплатонического монументализма или в причудливой семантической игре греческого синтаксиса с его симфонией предлогов, союзов и особенно мелких частиц» [9. С. 23-24].

По утверждению В.М. Лосевой, диалектический метод глубоко ограничен для Лосева, и он «играет на нем так, как виртуоз-пианист на своем инструменте» [24. С. 10]. Таким предстает А.Ф. Лосев во всех своих диалектико-мифологических построениях – «виртуозным исполнителем высокой музыки мысли» [32. С. 18].

А.Ф. Лосев как диалектик был подлинным живописателем контрастов мира. Его диалектически настроенный ум привлекали полярно противоположные явления: *великое* и *малое*. Для стиля мышления Лосева были характерны соединение тенденций к монументальности и виртуозности, обращение к широким философско-историческим и социологическим обобщениям наряду с филологически-скрупулезным и филигранным восприятием конкретных реалий. О монументализме Лосева – необычайной объемности и широте горизонтов его научной мысли и его обращении к торжественному

и величественному началам – свидетельствуют, по мысли Д.В. Джохадзе, уже сами имена анализируемых авторов, а также названия школ, направлений и тем его исследований [9. С. 22-23]. Это Гераклит и Демокрит; Платон, Аристотель и античный неоплатонизм. Фома Аквинский и Николай Кузанский. Марсилио Фичино и Джордано Бруно; Фихте и Гегель; Шеллинг и Шопенгауэр. Это античная трагедия, Данте и Мильтон. Это вторая часть гетевского «Фауста», Байрон, немецкие романтики и Ибсен. Это «Страсти» Баха, мессы и реквиемы старых композиторов. «Тристан и Изольда», «Кольцо Нибелунгов» и «Парсифаль» Рихарда Вагнера; Рихард Штраус, Скрябин и многое другое.

Наряду с этим монументализмом Лосева притягивали явления, формально противоположные – максимально дробные и детализированные, требующие тончайшего, поистине ювелирного исследования. Так, Лосев замечает, что термин «представление» употребляется у Шопенгауэра в *четырёх* различных смыслах. А термин «структура» в современной лингвистике – в *четырёхнадцати* разных значениях. Он считает, что при построении теории знака необходимо учитывать *восемь* разных значений слова «знак». И что категория имени может быть сконструирована при учете *шестидесяти семи* ее смысловых моментов [9. С. 22–23]. Характерно, что описание конкретной семантики одного только префикса «про» в русском языке занимает у Лосева пять страниц в его книге «Языковая структура» [14. С. 171–175].

Основу стилистики мышления Лосева составляет сочетание *рационально-схематического* начала и *иррационально-образного*. Именно эта особенность А.Ф. Лосева и позволяла ему плодотворно заниматься *философской филологией*, требующей от исследователя совмещения воображения и рассудка, тончайшего феноменологического описания филологических реалий во всем богатстве их конкретного бытия и установления их глубочайшего смысла. Другими словами – единения феноменологического зренья и глубинного умозрения вещей.

Известно, что философская терминология в трудах Лосева не только переосмысливается им логически, но и чрезвычайно остро переживается у него художественно. «Бесконечность и сейчас представляется мне какой-то золотистой далью, может быть, слегка зеленоватой и слегка звенящей», – говорил Лосев [22. С. 525]. По словам В.М. Лосевой, когда Лосев говорит об эйдосе, «ему всегда представляется какая-то умственная фигура, белая или разноцветная, и обязательно на темном фоне; это как бы фонарики с разноцветными крашеными стеклами, висящие на фоне темного сумеречного неба» [24. С. 12]. «Инобытие» для Лосева – «всегда какое-то бесформенное тело или вязкая глина; он едва вытаскивает ноги из этой трясины, и она его ежесекундно засасывает» [Там же]. И, наконец, со «ставшим» ему «ассоциируется что-то твердое и холодное, не то стена, не то камень, при этом обязательно холодное и даже что-то мрачное» [Там же].

Художественное начало пронизывает не только отношение А.Ф. Лосева к философской терминологии его работ, но и к их философскому синтаксису, основанному на принципе непрерывности диалектического рассуждения.

Так, воспринимая диалектику как ритм самой действительности, Лосев рассматривает категориальное движение в диалектике как «балет категорий». В «Диалектических основах математики» он говорит о балете пяти исходных универсальных внутри-эйдетических категорий (*тождество, различие, покой, движение, бытие*), лежащих в основе диалектики его работ. «Диалектика простейших арифметических действий – очень тонкая вещь, – утверждает Лосев. – Тут нагромождена масса логических категорий, которые с трудом поддаются анализу <...> Тут сложная игра категорий. Пять обыкновенных внутри-эйдетических категорий пляшут тут далеко не сразу понятный балет» [20. С. 595].

Творчество и в особенности философское творчество было самой глубокой стихией жизни А.Ф. Лосева. И потеря его для Лосева была равносильна смерти, о чем он так писал в одном из своих лагерных писем: «...я – мыслитель и не могу жить без мысли и без умственного творчества <...> Расстаться с этим – значит духовно умереть, и я не вижу никакого иного пути» [23. С. 32]. В представлении А.Ф. Лосева, философ есть тот, кто хочет все понять изнутри. «Понимание – выше и глубже всех этих изолированных сторон души и духа. Понимает тот, кто видит изнутри, а видеть изнутри предметы и значит жить так, как живут они, отождествиться с ними», – считает Лосев [21. С. 287]. Такое понимание есть жизненный подвиг, и оно сближается с религиозным познанием, которое в христианстве по образу Богопознания есть любовь.

Подобное отношение к познанию было и у А.Ф. Лосева. Процесс познания у него никогда не сводился только к отрешенной аналитической работе интеллекта, виртуозному оперированию силлогизмами. Оно было для него подлинной жизнью, духовным подвижничеством, а такое познание не бывает без самоотверженной любви. «Знания есть любовь, – говорил А. Ф. Лосев. – Любовь есть узрение тайны любимого <...> Любовь есть ощущение родства с любимым. Любящий и любимый всегда один другому родственны, всегда дышат одним воздухом, и этот воздух – их общая родина» [15. С. 28–29]. Поэтому, полагает Лосев, «чтобы создавать науку, нужно любить ее и находить в ней отзвук всем своим стремлениям» [Там же].

3. Религиозно-философский мир А.Ф. Лосева в контексте истории

Философско-богословская оценка творческой деятельности А.Ф. Лосева в современной культуре носит весьма многогранный характер. Спектр суждений о творчестве Лосева очень широк, многомерен и противоречив, что объясняется во многом резкой дискуссионностью затрагиваемых в его работах проблем, а также совершившейся за эти годы глобальной сменой общекультурной парадигматики мышления.

Спектр оценок творческой деятельности А.Ф. Лосева осуществляется по многим направлениям.

Во-первых, в диапазоне – от признания масштабности и плодотворности разрабатываемого Лосевым религиозно-философского направления до резко

критического отношения к его диалектико-мифологическим построениям как к чисто умозрительным конструкциям, оторванным от живых интуиций бытия.

Первую точку зрения на признание ценности творческой деятельности Лосева разделяли зарубежные философы и религиозные мыслители – протоиерей В. Зеньковский, С.Л. Франк, Н.О. Лосский [25. С. 344]. В наши дни эту позицию развивает В.П. Троицкий. По его мысли, лосевская попытка создания диалектической (неаристотелевской) системы миропонимания по широте своего охвата действительности и виртуозности использования диалектического метода «соизмерима, видимо, только с „космографией“ Прокла» [32. С. 24]. Поэтому объективно можно сказать, утверждает он, что этот «русский диалектик» (как однажды совершенно точно определил его творческий лик Р. Якобсон) «предстает „русским Проклом“» [Там же]. И в заключение Троицкий резюмирует: «Степень той самой философской subtilности и, одновременно, глубины и широты авторской <...> повергает, воистину, в трепет: *нечеловеческая мощь...* Спустя почти две тысячи лет со времен великих неоплатоников и гностиков в мире созрел голос, снова способный окликать бездну» [33. С. 209].

Противоположную точку зрения развивает Н.К. Бонецкая. По ее утверждению, А.Ф. Лосев в своей «Философии имени», стремясь средствами диалектики соотнести имя с идеей, выстроил «гигантское схоластическое здание» [5. С. 277]. Но через это, утверждает Бонецкая, «не прибавилось никаких новых и плодоносных интуиций бытия»: мысль Лосева «насквозь рациональна» и не содержит «никаких-то ясных, практически полезных представлений» [Там же].

Во-вторых, спектр оценок творчества Лосева колеблется в диапазоне от простого проявления сомнения в возможности повторения диалектического хода его рассуждений до полного неприятия принимаемой им стилистики диалектико-мифологического конструирования реальности. Первую позицию в этом плане разделял Ю.С. Степанов. Называя А.Ф. Лосева «великой фигурой» философии имени XX века, он восклицал: «И как можно было бы применить систему А.Ф. Лосева к иному материалу, чем у него? И кто вообще мог бы „повторить“ его ход мысли?» [28. С. 718].

Эмоционально-критическую позицию в оценке диалектико-мифологического подхода А.Ф. Лосева выражал С.С. Аверинцев. Для Аверинцева с его любовью к исповедальному слову и рассуждениям «от сердца к сердцу» была неприемлема объективированная интеллектуальная стилистика «всеединства» лосевской мысли, в которой он усматривал проявление тоталитаризма. Как писал С.С. Аверинцев в своих размышлениях о мировоззренческом стиле мышления Лосева: «Мысль Лосева именно как мысль, вне всяких внешних обстоятельств, была одержима императивом жесткого, неумолимого единства, по закону которого самонаименованные черты „целостного лика“ и „мировоззренческого стиля“ должны диалектически выводиться из некоего исходного принципа; выводиться с той мерой обязательности, принудительности, которая нормальна в евклидовой геометрии» [2. С. 323]. Но, как отмечает

А.Л. Доброхотов, вступая в полемику по этому вопросу с данной статьей С.С. Аверинцева, которую относил к числу лучших работ о Лосеве, «именно этой „абсолютной жесткости связей“ и не было в учении Лосева» [10. С. 29]. По утверждению Доброхотова, Лосев «наследует диалектику Платона и Гегеля, „открытую систему“, которая предполагает недетерминированное включение человека в божественные замыслы, личностную интерпретацию всего преданного свободному сознанию и интересубъективный диалог» [Там же. С. 29–30].

Наконец, *в-третьих*, спектр оценок творчества А.Ф. Лосева колеблется в широком диапазоне от попыток установления статуса его философской мысли в историко-философском процессе до признания полной невозможности этого сделать. Лосева называют то последним классическим мыслителем и последним философом Серебряного века в отечественной философии, то предтечей новых направлений и парадигм в философской мысли. Учитывая многомерность и симфонизм лосевской мысли, А.А. Тахо-Годи именуется философскую систему Лосева «философией „высшего синтеза“» [30]. По утверждению же В.В. Библихина, «Лосев весь в открытом вопросе» и «всякий Лосев-догматик окажется мифом» [4. С. 111]. В.И. Ковалев говорит о том, что «загадка Лосева так и осталась до сих пор неразгаданной», а это значит, что А.Ф. Лосев, «создавший в начале века оригинальную философскую систему на уровне общемировых образцов, пополнил сокровищницу тайн, оставленных нам гениями» [13. С. 55]. Наконец, Л.Н. Столович в своем стихотворном послании к столетию со дня рождения Лосева, задавая риторическим вопросом: «Кто он, собой украсивший наш век / Классический филолог и философ?», дает свой ответ: «Есть имя, что звучит как званье – ЛОСЕВ» [27. С. 3].

О трудностях установления статуса своей философской позиции упоминал и сам А.Ф. Лосев, говоря о невозможности «втиснуть» в узкие рамки общеизвестных систем и точек зрения основные тенденции своего мировоззрения. «Что же со мною делать, – восклицал он, – если я не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником, ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком, если даже все эти противоположения часто кажутся мне наивными? Если уж обязательно нужен какой-то ярлык и вывеска, то я, к сожалению, могу сказать только одно: я – Лосев! Все прочее будет неизбежной натяжкой, упрощением и искажением, хотя и не так трудно уловить здесь черты длинного ряда философских систем, горячо воспринятых в свое время и переработанных когда-то в молодом и восприимчивом мозгу» [19. С. 356].

* * *

Жизненный путь А.Ф. Лосева – это не только личностные и профессиональные утраты, неизбежные для эпохи запрета на свободную философскую мысль в России, но и духовные обретения. Лик Алексея Федоровича Лосева с его незримым подвижническим служением среди суеты и заседаний – рука на сердце (Иисусова молитва) и погруженность в духовные умозерцания и философско-научные размышления – являл собой те благоуханные дары

«пустыни» – смирение, духовную мудрость, просветленность и любовь, которые являли собой во все времена лики высоких подвижников духа.

Как говорил А.В. Михайлов в своем слове памяти Лосева: «Алексей Федорович умер в воскресенье русской культуры, которому был верен всегда. В воскресенье душа не гибнет, а возрождается. Освещенное душевным богатством, накопленным в нем, воскресение остается с нами» [26. С. 294]. Приобщение к таким богатствам в культуре может пойти по-разному. Об одном из самых радикальных путей такого приобщения упоминает Вяч. Иванов в своих «Мыслях о символизме» (1912). В этой статье Иванов, говоря о деятельности символического поэта в культуре, провозглашает: «...если... я, поэт, не умею... заставить самую душу слушателя петь со мною другим, нежели я, голосом, не унисоном ее психологической поверхности, но контрапунктом ее сокровенной глубины, – петь о том, что глубже показанных мною глубин и выше разоблаченных мною высот, – если мой слушатель – только зеркало, только отзвук, только приемлющий, только вмещающий <...> тогда я не *символический поэт*» [11. С. 606].

Алексей Федорович Лосев как мыслитель символического склада личности обладал таким даром глубинного воздействия, о чем свидетельствуют многочисленные опыты осмысления его творческих идей в наши дни. Опыты как реальные, так и, можно надеяться, потенциальные. Известно, что Л.А. Гоготишвили, упоминая о чуждости для современной лингвистики православно-энергетического понимания языка, совмещающего бытие и личность, а также вещь и имя, выражает надежду, что «эра изоляции отечественной лингвистики от фундаментальных проблем религиозной философии заканчивается» [8. С. 923]. И полагает, что лосевский «голос еще зазвучит в полную силу в уже недалеком будущем» [Там же]. А надежда, предполагающая «радостное, оптимистическое и деятельное отношение к жизни», по мысли О.В. Бычкова, составляет важнейший принцип «духовного завещания» А.Ф. Лосева [6. С. 196].

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Памяти учителя // Контекст-90: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1990. С. 3–5.
2. *Аверинцев С. С.* «Мировоззренческий стиль»: подступы к явлению Лосева // София – Логос. Словарь. Киев: Дух і Літера, 2001. С. 318–326.
3. *Асмус В. В.* Триадология Лосева и патристика: предварительные заметки // Начала: Религиозно-философский журнал. № 1 (11). Абсолютный миф Алексея Лосева. Вып. 1. М.: Фонд «Рось», 1994. С. 95–100.
4. *Бибихин В. В.* Абсолютный миф А. Ф. Лосева // Начала: Религиозно-философский журнал. № 2–4. Абсолютный миф Алексея Лосева. Вып. 2. М.: Фонд «Рось», 1994. С. 87–112.
5. *Бонецкая Н. К.* Об одном скачке в русском философском языкознании // П. А. Флоренский и культура его времени. P. A. Florenskij e la cultura della sua epoca. (Ed.) M. Hagemeister, N. Kaucisvilii. Marburg / Lahn, 1995. С. 253–288.
6. *Бычков О. В.* Духовное завещание А. Ф. Лосева // А. Ф. Лосев и культура XX века: Лосевские чтения. М.: Наука, 1991. С. 192–196.

7. Волошин М. А. Лики творчества. Ленинград: Наука, 1988. 848 с.
8. Гоготшивили Л. А. Религиозно-философский статус языка // Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 906–923.
9. Джохадзе Д. В. Алексей Федорович Лосев: Краткий очерк жизни и деятельности // А. Ф. Лосеву: К 90-летию со дня рождения. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1983. С. 4–26.
10. Доброхотов А. Л. А. Ф. Лосев – философ культуры // Алексей Федорович Лосев / под ред. А. А. Тахо-Годи и Е. А. Тахо-Годи. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009 (Философия России второй половины XX в.). С. 19–30.
11. Иванов Вяч. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1974. 852 с.
12. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 285–330.
13. Ковалев В. И. Гнозис Лосева и путь к метазнанию // Вопросы классической филологии. Вып. 11. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 55–63.
14. Лосев А. Ф. Языковая структура. М.: МГПИ, 1983. 374 с.
15. Лосев А. Ф. Виток бесконечности // Сельская молодежь. 1985. № 4. С. 28–29.
16. Лосев А. Ф. Из последних воспоминаний о Вячеславе Иванове // Эсхил. Трагедии / пер. Вяч. Иванова. М.: Наука, 1989. С. 464–466.
17. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 959 с.
18. Лосев А. Ф. Вл. Соловьев. 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1994. 230 с. (Мыслители прошлого).
19. Лосев А. Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. 944 с.
20. Лосев А. Ф. Личность и Абсолют. М.: Мысль, 1999. 719 с.
21. Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...»: в 2 т. М.: Время, 2002. Т. 1. 574 с.
22. Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...»: в 2 т. М.: Время, 2002. Т. 2. 680 с.
23. Лосев А. Ф., Лосева В. М. «Радость на веки». Переписка лагерных времен. М.: Русский путь, 2005. 264 с.
24. Лосева В. М. Предисловие // Лосев А. Ф. Диалектические основы математики. М.: Academia, 2013. С. 5–16.
25. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
26. Михайлов А. В. Памяти А. Ф. Лосева // Алексей Федорович Лосев / под ред. А. А. Тахо-Годи и Е. А. Тахо-Годи. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009 (Философия России второй половины XX в.). С. 292–294.
27. Мысль и жизнь. К 100-летию со дня рождения А. Ф. Лосева. Сборник статей. Уфа: Башкирский государственный университет, 1993. 254 с.
28. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
29. Тахо-Годи А. А. Лосев. М.: Молодая гвардия; Студенческий меридиан, 1997. 459 с.
30. Тахо-Годи А. А. Философия «высшего синтеза» // История русской философии: учеб. для вузов. М.: Республика, 2001. С. 527–534.
31. Тахо-Годи А. А. Алексей Федорович Лосев на рубеже двух эпох (1910–1920-е годы) // Лосев А. Ф. На рубеже эпох. Работы 1910 – начала 1920-х годов. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 11–40.
32. Троицкий В. П. Разыскания о жизни и творчестве А. Ф. Лосева. М.: Аграф, 2007. 448 с.
33. Троицкий В. П. Тропа и Путь. Из жизни людей и идей. Вып. 3. М.: ПЕРО, 2020. 310 с.

THE CREATIVE PATH OF A.F. LOSEV (STAGES AND DIRECTIONS): “GOING INTO THE ABYSS OF HISTORY...”

V.I. Postovalova

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1, 1 bldg, Bolshoi Kislovsky per., Moscow, 125009, Russian Federation*

Abstract. In the article devoted to the 130th anniversary of the birth of the outstanding scientist, philosopher and theologian A.F. Losev, the main stages and directions of his creative path in the context of the formation of the national history of the twentieth century are considered. The question of the epistemological status of his works in the historical and cultural space of modern cognition is discussed. The stylistics of Losev’s thinking is analysed and the question about the prospects of studying his creative heritage is raised.

Keywords: cognition, culture, integral knowledge, absolute mythology, personal worldview, creativity, style of thinking, orthodoxly understood Neoplatonism, intuition of universality, spiritual testament